

ISSN 0042-8744

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

5

2012

Индекс 70156

Вопросы философии, 2012, № 5

ISSN 0042-8744

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

Контрольный
экземпляр

№ 5

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2012

МОСКВА

Журнал издается под руководством
Президиума Российской академии наук

“НАУКА”

СОДЕРЖАНИЕ

Конференция Международного института философии в Москве в 2011 г.

От редакции	3
А.А. Гусейнов – Мораль как предел рациональности	4
В.С. Степин – Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция	18
В.А. Лекторский – Рациональность как ценность культуры	26

Философия и общество

Д.М. Фельдман – О правилах мировой политики	35
О.В. Афанасьева – Информационная открытость и проблема устойчивого развития	47

Философия и наука

Ю.В. Чайковский – О первых философах – для всех. Пояснения к сборнику фрагментов	59
Фалесовы фрагменты	62
И.З. Цехмистро – Импликативно-логическая природа квантовых корреляций (II)	77
А.В. Боровских, Н.Х. Розов – Категория деятельности и деятельностные принципы в педагогике	90

Из истории отечественной философской мысли

В.И. Коцюба – Можно ли считать прот. Ф.А. Голубинского провозвестником русской софиологии?	103
--	-----

© Российская академия наук, 2012 г.

© Редакция журнала “Вопросы философии” (составитель), 2012 г.

В.М. Летцев – К уяснению основной проблематики философской психологии	114
В.В. Целищев – Логика и философия (записки семидесятника)	124

История философии

М.Т. Степанянц – Предисловие к словарю «Буддизм»	134
В.К. Шохин – Раджашекхара и его синтез двух форматов традиционного индийского науковедения	143
Раджашекхара – Исследование поэзии (Кавьямиманса). Перевод с санскрита и примечания В.К. Шохина	149
А.А. Глухов – Политическая логика Платона (в контексте интерпретаций П. Наторпа и М. Хайдеггера)	157

Критика и библиография

И.Ю. Алексеева – Л.А. Микешина. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки	170
Н.В. Громыко – В.М. Розин. Введение в схемологию: Схемы в философии, культуре, науке, проектировании	172
М.С. Киселева – М.А. Корзо. Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века	176
В.Н. Белов, В.А. Дудышкин – Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры	180
А.Г. Дружинин – А. Брюне, Ж.-П. Гишар. Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения	182
Коротко о книгах	185
Наши авторы	190

Председатель Международного редакционного совета –
Лекторский Владислав Александрович

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Э. Агацци (Италия), Ань Цинянь (Китай), А.А. Гусейнов (Россия),
В.П. Зинченко (Россия), А.Ф. Зотов (Россия), А.Н. Нысанбаев (Казахстан),
А.П. Огурцов (Россия), Т.И. Ойзерман (Россия), М.В. Попович (Украина),
В.Н. Садовский (Россия), В.С. Степин (Россия), Ю. Хабермас (Германия),
Р. Харре (Великобритания)

Главный редактор – Пружинин Борис Исаевич

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

П.П. Гайденоко, А.А. Гусейнов, В.К. Кантор, В.А. Лекторский, В.Л. Макаров,
В.В. Миронов, Н.С. Мотрошилова, И.С. Разумовский (ответственный секретарь),
А.М. Руткевич, Ю.Н. Солонин, В.С. Степин,
Н.Н. Трубникова (заместитель главного редактора), Т.В. Черниговская
Сайт журнала – <http://www.vphil.ru>

Наши авторы

- ГУСЕЙНОВ
Абдусалам Абдулкеримович — академик РАН, директор Института философии РАН, член редколлегии журнала "Вопросы философии"
- СТЕПИН
Вячеслав Семенович — академик РАН, президент Института философии РАН, член редколлегии журнала "Вопросы философии"
- ЛЕКТОРСКИЙ
Владислав Александрович — академик РАН, доктор философских наук, заведующий отделом Института философии РАН, председатель Международного редакционного совета журнала "Вопросы философии"
- ФЕЛЬДМАН
Дмитрий Михайлович — доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова
- АФАНАСЬЕВА
Ольга Валентиновна — кандидат политических наук, доцент кафедры интегрированных коммуникаций Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики
- ЧАЙКОВСКИЙ
Юрий Викторович — кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
- ЦЕХМИСТРО
Иван Захарович — доктор философских наук, профессор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, заслуженный деятель науки и техники Украины
- БОРОВСКИХ
Алексей Владиславович — доктор физико-математических наук, заместитель декана факультета педагогического образования МГУ им. М.В. Ломоносова
- РОЗОВ
Николай Христович — член-корреспондент РАН, декан факультета педагогического образования МГУ им. М.В. Ломоносова
- КОЦЮБА
Вячеслав Иванович — кандидат философских наук, доцент Московского физико-технического института
- ЛЕТЦЕВ
Виктор Михайлович — старший научный сотрудник Института психологии Академии наук Украины (Киев)
- ЦЕЛИЩЕВ
Виталий Валентинович — доктор философских наук, профессор, директор Института философии и права СО РАН, сопредседатель Координационного совета при администрации Новосибирской области по проблемам общественных наук

CONTENTS

A.A. GUSSEINOV. Morality as Limits of Rational. V.S. STEPIN. Scientific Rationality in the Technogenic Culture: Types and Historical Evolution. V.A. LEKTORSKY. Rationality as the Value of Culture. D.M. FELDMAN. On the Rules of World Politics. O.V. AFANASIEVA. Information Openness and Problem of Sustainable Development. Yu.V. TCHAIKOVSKY. On First Philosophers –for everyone. Explanations to the Collection of Fragments. I.Z. TSEKHMISTRO. Implicativ-logical nature of quantum correlations. A.V. BOROVSKIKH, N.KH. ROZOV. Activity Category and Activity Principle in Pedagogy. V.I. KOTSYUBA. Can We Consider Archpriest F.A. Golubinsky of a Forerunner of Russian Sophiology? V.M. LETZEV. To Explanation of the Basic Problematics of Philosophical Psychology. V.V. TSELISHCHEV. Logic and Philosophy (Notes of the Intellectual of the Seventies). M.T. STEPANYANTS. Preface to the Dictionary "Buddhism". V.K. SHOKHIN. Rajashekhar and his Attempt to synthesize the two Formats of Traditional Indian Science Studies. RAJASHEKHARA. Inquiry into Literature (Kavyamimamsa). A.A. GLUKHOV. Plato's political logic (interpreted in context by Natorp and Heidegger). BOOK REVIEWS.

Сдано в набор 09.02.2012	Подписано к печати 18.04.2012	Формат 70 × 100 ¹ / ₁₆
Офсетная печать	Усл. печ.л. 15.6	Усл.кр.-отт. 14.0 тыс.
	Тираж 889 экз.	Зак. 89
		Уч.-изд.л. 18.8
		Бум.л. 6.0

Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство "Наука", 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119049 Москва, ГСП-1, Маролевский пер., 26

Телефон 8 (499) 230-79-56

Оригинал-макет подготовлен АИЦ "Наука" РАН

Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Информационная открытость и проблема устойчивого развития

О. В. АФАНАСЬЕВА

Автор рассматривает проблему информационной открытости социальных структур в контексте осмысления общих проблем социального развития.

The author considers Information Openness of social structures as the problem in the context of the general problems of the social development.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационная открытость, устойчивое развитие, прозрачность и подотчетность, доступ к информации, открытое государство.

KEY WORDS: information openness, sustainable development, transparency and accountability, access to information, open state.

В последние десятилетия XX в. эксперты, публицисты, теоретики, политики все настойчивее стали говорить о проблеме *устойчивого* развития. Созданная по инициативе Генерального секретаря ООН в 1983 г. Международная комиссия по окружающей среде и развитию определила *устойчивое развитие* (*Sustainable Development*) как "развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности". Такое понимание динамики общества не позволяет сводить социальное развитие к экономическому росту и забывать о его гуманитарном и экологическом измерениях.

Характерно, что в это же время в развитых странах начался процесс институционального закрепления принципа *транспарентности* публичной власти и корпораций, в том числе права граждан на *доступ к информации*, которая находится в распоряжении органов власти. Осмысление экологической проблемы человечества, закрепление на национальном и международном уровнях целей сбережения окружающей среды существенно связаны с обсуждением проблем информационной открытости. По сути дела, становление новых институтов информационной открытости и утверждение парадигмы устойчивого развития – это две стороны одного социального процесса.

В результате во многих странах были приняты специальные законы о доступе к информации о состоянии окружающей среды, а затем и более общие законы о доступе к информации. В 1992 г. на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро была принята Декларация по окружающей среде и развитию. В Принципе 10 Декларации провозглашается, что на

национальном уровне каждый человек должен иметь соответствующий доступ к информации по вредным для здоровья веществам и деятельности в своих сообществах, а также иметь возможность принимать участие в процессе принятия решений.

В 1998 г. в качестве дополнения к Декларации Рио страны, члены Экономической комиссии ООН для стран Европы (ЮНЭКЕ) и Европейский Союз подписали юридически обязательную для исполнения Конвенцию "О доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды" (Орхусская Конвенция). Вступившая в силу в октябре 2001 г. Конвенция обязывает государства-члены принимать правовые меры для осуществления ее положений по доступу к экологической информации¹.

Осознание устойчивого развития как сверхпроблемы человечества было связано, прежде всего с актуализацией вопроса об ограниченности природных ресурсов и острым ощущением экологических угроз, порождаемых самим социально-экономическим прогрессом. По мере же дальнейшего осмысления и обсуждения проблема устойчивого развития стала пониматься и более широко. Сегодня принято выделять три главных составляющих проблемы: *экологическую* устойчивость, *экономическую* устойчивость, *социально-политическую* устойчивость.

Экономическая устойчивость предполагает получение максимального совокупного дохода при сохранении (это как минимум) совокупного капитала, с помощью которого производится этот доход. Такой подход требует использовать берегающие – материал, энергию, природу – технологии, создавать экологически приемлемую продукцию, минимизировать, утилизировать и уничтожать отходы. Однако и эта ресурсосберегающая стратегия при всей ее необходимой полезности представляется лишь паллиативной попыткой сохранить эконоцентричную парадигму цивилизации. Между тем современный глобальный кризис обнаружил ущербность самой этой парадигмы.

Что касается социально-политической составляющей устойчивого развития, то ее главным вопросом является справедливое разделение благ – внутри наций (проблемы социально-классового и межпоколенного разделения благ) и между нациями (проблемы мирового, геополитического разделения благ). В контексте обоих социальных измерений едва ли не самой больной проблемой справедливого разделения благ и устойчивого развития в целом выступает коррупция – масштабы этой проблемы в последнее время значительно выросли в связи с выросшими масштабами государственного и международно-го регулирования.

Борьба с коррупцией стала одним из главных пунктов глобальной повестки развития, что зафиксировано рядом международных документов, главным из которых является Конвенция ООН по борьбе с коррупцией 2003 г., вступившая в силу в декабре 2005 г. после ратификации 30 странами². Российская Федерация 17 февраля 2006 г. ратифицировала Конвенцию ООН по борьбе с коррупцией не в полном объеме. Следует подчеркнуть, что Конвенция (статьи 10 и 13) предлагает государствам-участникам применить целый ряд конкретных мер для усиления прозрачности и подотчетности своей публичной администрации, а также для содействия активному участию гражданского общества в предупреждении коррупции и борьбе с ней.

Таким образом, устойчивое развитие в целом и каждая из главных составляющих этой сверхпроблемы – экологическая, экономическая и социально-политическая устойчивость – требуют обеспечения необходимой и достаточной информационной открытости публичной администрации, бизнеса и всего общества. Другими словами, информационная открытость выступает атрибутом модели устойчивого развития.

Позиция автора состоит в том, что необходимым институциональным условием устойчивого развития на национальном уровне является *открытое государство*, способное соединить социальный порядок и авторитет с информационной открытостью³. Здесь можно бы было мажорно заявить, что сегодня открытое государство стало нормой развития, общепризнанной в Европейском союзе, США и Японии, Канаде, Австралии и Новой Зеландии, а также в целом ряде развивающихся стран, которые действительно развиваются. Но такое оптимистическое вступление было бы, наверное, уместным лет пять назад. Сего-

дня, в кризисном современном мире оно выглядит наивно и по сути лишь скрывает реальную конфликтность открытого государства, противоречивость полученных социальных эффектов и обилие фиктивных, не работающих установлений⁴.

На деле выработка модели открытого государства идёт не прямо и не гладко, да и сама необходимость такой модели осознаётся с трудом. Это неудивительно, поскольку связь «информационная открытость – государство» по определению конфликтна, она и сегодня зачастую выглядит как оппозиция взаимоисключающих начал. Увязать и удержать связь этих начал в социальных институтах получалось и получается далеко не у всех обществ, к тому же и получившиеся однажды институты открытого государства не гарантированы от деградации. То есть институциональная система, призванная обеспечить устойчивое развитие, оказывается как раз неустойчивой.

Собственно, и устойчивое развитие является лишь нормативной моделью, а не фактом социальной эволюции. Таким образом, институциональный синтез социального авторитета и открытости, требуемый для обеспечения устойчивого развития, оказывается не столько готовым решением, сколько проблемой в проблеме. Поэтому институциональное созидание нуждается не только в конкретной «маршрутной карте», но и в теоретическом осмыслении и переосмыслении ряда общих проблем социального развития.

Замысел настоящей статьи как раз и состоит в том, чтобы рассмотреть проблематику информационной открытости институтов социального управления не только в государствоведческом, но и в более широком контексте социально-антропологической теории. Главные вопросы, требующие прояснения, таковы: как происходит социальное развитие, и какую роль в этом играет информационная открытость человеческих сообществ и учреждений?

Начать же следует с того вопроса, который сегодня, в условиях длящегося глобально-го кризиса, возникает в отношении нормативной модели устойчивого развития, закреплённой в «докризисных» международных документах.

Возможно ли устойчивое развитие?

Действительно, если вся рефлексия и международные договорённости по поводу перехода к новому типу сбалансированного и экологически здорового развития завершились глобальным социально-экономическим кризисом, если попытки выйти из кризиса базируются во многом на прежних основаниях экономики массового потребления, то достижимо ли вообще устойчивое развитие?

Отвечая на этот вопрос, следует отметить и осмыслить несколько весьма противоречивых обстоятельств. Первым из этих обстоятельств является исторический факт беспрецедентного относительно всей предыдущей человеческой эволюции ускорения развития цивилизации за последние пятьсот-шестьсот лет. Пусть это не слишком долгий по меркам истории и тем более по меркам антропогенеза временной период, но в этот период произошло радикальное изменение социального мира и природного ландшафта. Поступательный и по большому счёту непрерывный характер нарастающих изменений, именуемых прогрессом, вполне очевиден – это «тотальный факт» человеческой современности.

Столь же очевидно и не менее важно, что это небывалое по масштабам преобразований и глобальному влиянию развитие локализовано в географическом и социальном пространстве развитого мира. Именно в этом мире создаётся и накапливается колоссальный совокупный капитал – финансовые и иные активы, а также институциональный, социальный и человеческий капитал, выступающие основой и определяющие характер глобального развития. Следует обратить внимание на то, что субъектный состав развитого мира с момента его формирования в эпоху Ренессанса и до самого последнего времени оставался довольно устойчивым. Европа и её дочерние сообщества с явным преимуществом выигрывали конкуренцию у иных цивилизованных держав, не говоря уж о мировой периферии. Япония, Сингапур и Южная Корея, которым удалось устоять в глобальной конкуренции и войти в состав развитого мира, сделали это благодаря рецепции западных институтов.

При всём институциональном и культурном своеобразии КНР, возродившие могущество Китая великие реформы тоже не мыслимы без подобной рецепции институтов и интеграции в глобальную социально-экономическую современность.

Локализация опережающего развития, концентрация ресурсов могущества в центре и сфере влияния передовой цивилизации – это, конечно, не новое в мировой истории явление. Действительно новым в глобальном развитии европейской цивилизации является сам тип европейского развития, который основан не на консервации, а на реформе, то есть пересоздании социального порядка. В этом и заключается секрет Европы.

При всей неудовлетворённости состоянием глобальной “западной” цивилизации (не говоря уже о гегемонизме США), достижения этой цивилизации – устранение нищеты и высокий средний уровень благосостояния людей, системы всеобщего образования и здравоохранения, гарантированная каждому государственная защита неотчуждаемых прав человека – обладают всеобщей привлекательностью. Догнать Запад в этом отношении хотят все, но могут немногие. Потому что для этого необходимо освоить европейскую и создать аналогичную национальную культуру развития. Элементами такой культуры являются не только соответствующие политические и экономические институты, но и соответствующий социальный капитал, а также культура философской и обществоведческой рефлексии, критики и переосмысления социального порядка. Европейское развитие и достижения не достижимы без подобных институтов, социального капитала, интеллектуальной рефлексии.

Другое обстоятельство человеческой современности состоит в том, что глобальная “западная” цивилизация к концу прошлого века столкнулась с пределами и неприемлемыми рисками своего экономического роста. До сих пор победоносная цивилизация находила и видела решение всех проблем в экономическом прогрессе, но, как обнаружилось, экономический прогресс сам чреват катастрофой. Обсуждение проблемы и поиск модели устойчивого развития как раз и обозначают коренной перелом, смену эпох: до этого глобальное развитие цивилизации представлялось вполне устойчивым, а теперь оно оказалось несбалансированным, съедающим природные ресурсы у будущих поколений, порождающим угрозу экологической дегенерации.

Следует отметить, что именно европейцы и представители Запада в целом выступили инициаторами общественной и экспертной дискуссии по проблемам сохранения окружающей среды, ограниченности природных ресурсов и пределов роста, а также разработки и принятия международных документов по устойчивому развитию. Другими словами, включение проблемы устойчивого развития в глобальную повестку в значительной степени является выражением и результатом самокритики “западной” цивилизации. Притом речь идёт не только о критике, но и о целом комплексе больших и малых дел по разработке и внедрению энергосберегающих и материалосберегающих технологий, принятию обязательных экологических стандартов в промышленном производстве и строительстве, реализации масштабных проектов по охране природы, экологической реабилитации ряда территорий и акваторий.

Начавшийся в 2008 г. глобальный экономический кризис не только подтвердил справедливость претензий к качеству предшествовавшего экономического роста, но и показал поверхностность докризисного интеллектуального “мэйнстрима” при осмыслении противоречий современного развития. Практическая постановка проблемы устойчивого развития в конце прошлого века ограничивалась признанием необходимости экономно использовать природные ресурсы и соблюдать экологические нормы. Между тем последний глобальный экономический бум и увенчавший его глобальный кризис обнаружили – уже не в первый раз, но сейчас особенно ясно – фундаментальную проблему современной эконоцентрической цивилизации.

Промышленная революция XIX в. создала, по определению Карла Полаanyi, небывалый тип общества, в котором не экономика встраивается в систему социальных связей, а социальные связи – в экономическую систему, и в результате рыночная экономика “пересоздаёт общество под себя”. В этом обществе производство фактически является побочным результатом с точки зрения получения дохода, общественная структура превращается

в бесформенное желе, а наша унижительная зависимость от материального, которую человеческая культура, всегда стремилась смягчить, намеренно усилена и возведена в ранг главенствующей⁵. Страны, создавшие социальное государство, несколько продвинулись в адаптации индустриальной цивилизации к требованиям человеческого существования. Однако фундаментальная проблема осталась, а неолиберальный рыночный фундаментализм очень многое сделал для нового обожествления экономики.

При очевидной кризисогенности, доминирующей сегодня в мире экономической модели, её основные структурные элементы пока не претерпели существенных изменений и сохраняют свою силу. Во всех учебниках кризис трактуется не только как болезнь, но и как способ оздоровления экономики, когда на смену старым её институтам, практикам и лидерам приходят новые. Между тем в условиях нынешнего глобального кризиса масса общих усилий и ресурсов тратится на спасение главных создателей и бенефициаров лопнувшего финансового пузыря. А соответственно и терапевтический эффект такого кризиса остаётся под большим вопросом.

Не найти ответа и у новых экономических лидеров в Азии, которые разгоняют глобальную экономику, но не меняют модели развития. Так, например, китайская модернизация, создающая в самой населённой стране мира современную и притом далеко не самую экологичную экономику, ставящая во главу угла экономический рост и массовое потребление, отнюдь не представляет собой альтернативный путь человеческого развития, а скорее масштабирует проблемы того пути, по которому идёт современная цивилизация.

Итак, устойчивое развитие, сформулированное недавно как идеал, сегодня выглядит парадоксом. Ибо социальное развитие не устойчиво. Действительно, никакой готовый механизм, никакой набор формальных институтов не освободит нас от необходимости заново воссоздавать противоречивый баланс: коллективизма и индивидуализма, общественного характера производства и частной формы присвоения, общества и экономики, биосферы и цивилизации.

Наиболее эвристически ценным в идеологии устойчивого развития, на наш взгляд, является не то, что относится к эффективному, экономному управлению различными активами (которыми становятся и природные ресурсы, и человеческие возможности), а то, что относится к управлению экономическими, экологическими и социальными рисками. Это действительно очень актуально. Для отражения именно такого понимания концепта лучше подходит другой перевод понятия *Sustainable Development* – *поддерживаемое развитие*.

Если понимать поддерживаемое развитие как *управление рисками цивилизации*, то наше внимание следует сосредоточить в первую очередь на цивилизованных институтах. Чтобы поддерживать развитие, делая его гуманистически наполненным, социально и экологически здоровым и потому более устойчивым, наши институты должны быть настроены не просто на то, чтобы что-то продвигать либо, наоборот, чего-то не допускать – они должны быть способны “удерживать”, то есть творчески снимать неустраняемые противоречия социального развития.

Алгоритмы социального развития

Проясняя то, какую роль в противоречивом социальном развитии играет информационная открытость социальных структур, следует поразмыслить над выводами институциональной теории социально-экономических изменений, которая хорошо представлена в классических обобщающих работах Дугласа Норта⁶.

Историк и теоретик экономики рассматривает феномен социально-экономического прогресса, преобразившего мир за последнее тысячелетие человеческой истории. Страны Запада были в X в. относительно отсталой частью мира – в 1000 г. показатель ВВП на душу населения будущих развитых стран не достигал до аналогичного показателя остального цивилизованного мира, составляя 0,92. А к XIX в. Запад достиг вершин мирового могущества. Показатели ВВП на душу населения развитых и развивающихся стран разделила пропасть, в 1998 г. их соотношение составило 6,92. Как такое произошло?

Ища ответ на этот вопрос, Дуглас Норт выделил три основных фактора экономических изменений: 1) количество и качество населения; 2) количество человеческого знания; 3) институциональный каркас, который задаёт стимулирующую систему общества. Опираясь на работы большого числа специалистов различных отраслей гуманитарного знания, Норт показал, что институциональные изменения влекут за собой стимулирующие последствия для демографического развития и накопления знания, — то есть именно новые институты сыграли ключевую роль в возвышении Запада. Политэкономический смысл новых — “западных”, как их стали называть по месту происхождения, институтов состоит в том, что они позволили перейти от сетей личных обменов к системам *обезличенного обмена*.

Чтобы лучше понимать революционный характер “западных” институтов, следует иметь в виду, что эволюция биологического вида *homo sapiens* имела своим социальным выражением и условием замену животных стад и стай *системой родов*, связанных обязательным взаимообменом. Этот первобытный родовой строй человеческого общежития имманентно связан с жёстким делением человечества на *своих* (собственно людей, общество) и *чужих* (практически нелюдей). Современная наука признаёт, что кооперативное поведение заложено в генетической структуре человека. Однако столь же глубоко в человеческой генетике и в культуре заложены обман и вражда.

Древняя культура социального взаимодействия в микро-группах, кланах и племенах позволяла вести местную, а также и международную торговлю (например, трансграничные деловые сети еврейских, арабских, армянских купцов функционировали веками и дожили до нашего времени). Традиционная культура позволяет встраиваться и в современный капиталистический рынок (яркие примеры — пронизывающие японский и китайский деловые миры клановые связи). Однако само возникновение и расцвет капитализма, его великие “игры обмена” связаны с новой культурой — культурой обезличенных институциональных гарантий. Новые институты сделали возможным существование рынков с низкой стоимостью транзакций и растущим материальным благополучием.

Такой вывод чреват следующими вопросами. Почему институты обезличенного обмена возникли именно на Западе? Как вообще возникают новые институты? Почему в одних обществах формируются институты развития, а в других институты застоя?

Очень часто в ответ на эти вопросы следуют ссылки на различное *культурное наследие*⁷ разных сообществ. Несомненно, культура имеет значение — сравнительный анализ культурных традиций, социальных обычаев и привычек помогает, например, понять, почему аналогичные институциональные реформы нередко дают разные социальные эффекты. Но как ни велико значение социальной “почвы”, культурное наследие не определяет и не объясняет всё до конца. Ведь любое, будь то “хорошее” либо “плохое”, культурное наследие не дано от природы, а сформировано людьми, и людьми изменяется. Кроме того, любая культура амбивалентна, в каждой конкретной культуре есть разные потенции, которые могут раскрываться либо оставаться под спудом и затухать. Поэтому известные классификации культур, призванные по мысли их авторов объяснить ход истории и судьбы народов, на самом деле довольно условны и не годятся для окончательных выводов. В сравнении с биологическими видами человеческие культуры весьма изменчивы.

В социальных науках принято рассматривать культуру общества как систему наследуемых убеждений, неформальных норм и формальных правил. Как верно указывает Дуглас Норт, корни социального развития нужно искать во взаимной связи между системами человеческих убеждений и институциональным каркасом, который составляют нормы и правила. Системы убеждений включают в себя внутреннюю репрезентацию социального ландшафта — это хорошо показано в классических антропологических работах Эмиля Дюркгейма, Марселя Мосса и Клода Леви-Стросса, которые толковали человеческие идеи как “коллективные репрезентации”⁸. Институты являются внешними проявлениями этих репрезентаций — структурами, которые люди накладывают на социальный ландшафт для его упорядочения. В связке “убеждения — неформальные нормы — формальные прави-

ла" наиболее подвижным элементом выступают убеждения, а наиболее консервативным – неформальные нормы, отражающие особенности социальной "почвы", то есть физической и интеллектуальной среды того или иного общества.

Человек разумный осмысляет окружающий мир и таким образом пытается его контролировать – объясняет мир для себя и действует, исходя из данных объяснений. Тем самым человек старается уменьшить неопределённость, которая пронизывает его существование в мире. Он накладывает на окружающую действительность искусственные, социально произведённые и передаваемые из поколения в поколение структуры – представления, ценности, ритуалы, обычаи поведения, обязательные правила и наказания за их нарушение. Таким образом, именно сущностная, экзистенциальная *интенциональность* людей, а следовательно, их *видение* положения вещей, их представления и убеждения, являются ключом к пониманию процесса изменений и человеческой эволюции.

Согласно общепринятому сегодня в когнитивной науке пониманию, человеческое мышление основано на распознавании *паттернов*, синтезированных в нейронных сетях мозга⁹. Эти нейронные формообразования запечатлевают и накапливают следы поступающей информации. Таким образом, паттерны – это одновременно нейронные *слежки* и информационные *образцы*. Вся поступающая в человеческий мозг информация воспринимается и классифицируется – распознаётся – посредством подгонки под имеющийся набор паттернов. Человек мгновенно узнаёт то, что соответствует образцам, и плохо воспринимает то, что им не соответствует. Более того, зачастую в новой информации, которая вообще никак не связана с предыдущей, люди всё равно "узнают" собственные, уже освоенные образцы.

Уже на этом нано-информационном уровне можно разглядеть диалектику человеческой культуры. Люди воспринимают мир посредством его конструирования. В то же время сами конструкты сознания, системы классификации информации являются продуктом индивидуального и социального опыта жизнедеятельности в мире. Люди могут "в упор не видеть" действительности, которая не соответствует их представлениям о действительности. В то же время они могут представлять иную действительность и таким образом делать действительность иной.

Человеческая способность представлять и переделывать – творить – зависит от накопленных индивидом и его обществом паттернов информации, которые составляют то, что мы называем *человеческим* и *социальным капиталом*. Чем богаче система классификации информации, тем шире спектр типовых решений, которые могут быть приняты. Отсюда следует, что чем богаче культурный контекст, тем больше он представляет людям возможностей для экспериментов и творческой конкуренции. И тем больше шансов на успешное выживание имеет общество, заключает Дуглас Норт.

Вывод, следующий из этих рассуждений, для многих до сих пор остаётся не очевидным, даже парадоксальным. Тем важнее его подчеркнуть. Получается, что сложность, а стало быть, и неизбежная при усложнении разнородности и противоречивость социально производимой структуры представлений и институтов снижает неопределённость при принятии решений в обществе. Наоборот, в несложной социальной среде, при востребованной многими людьми простоте представлений и институтов, набор типовых решений сужается, но неопределённость от этого только возрастает.

Таким образом, культура общества представляет собой аккумулятор социальной сложности, – и чем лучше она справляется с этой ролью, тем выше приспособляемость общества и устойчивость его развития. Определив функцию культуры как *аккумуляцию сложности*, мы прямо и непосредственно выходим на проблему *информационной открытости*. Ибо информационная открытость является интенциональным и структурным условием выполнения такой функции. Рассмотрим теперь, как информационная открытость предопределяет культурную сложность общества и стимулирует в нём *культуру развития*, которая реализуется не иначе как в ответ на вызовы и противоречия социальной жизни.

Самое яркое выражение информационной открытости людей – способность к подражанию и заимствованию – является неотъемлемой частью человеческой природы и закреплена в генетической структуре homo sapiens. Эта *миметическая* основа культуры роднит людей с гоминидами и приматами. Выделились же и победили в конкурентной борьбе люди за счёт того, что усложнили социальную структуру общежития (табу на инцест и обменные связи родов) и создали новый способ копирования, накопления и трансляции паттернов – *речь*. Столь специфическая культурная адаптация к окружающему миру подняла способность людей к подражанию и заимствованию на недостижимый для других гоминидов уровень обмена информацией. Таким образом, уже сам антропогенез представляет собой качественный скачок в информационной открытости человеческих существ и их сообществ.

Все существующие человеческие сообщества обладают речью, то есть довольно сложной, устной культурой. Другими словами, сегодня все общества по определению являются информационно открытыми. Информационная открытость их достаточна для того, чтобы вести человеческий образ жизни и постепенно, а при необходимости и довольно быстро, усложнять свою культуру.

В то же время степень информационной открытости разных обществ сильно различается. Вполне очевидна при этом прямая связь между информационной открытостью и конкурентоспособностью обществ. Однако указание на эту связь является, конечно, генерализацией. Отдельные общества могут страдать и даже гибнуть от скачкообразного повышения информационной открытости. Но, как показывает исторический опыт, закрытие от внешнего мира – даже тогда, когда местные общества были достаточно сильны, чтобы это сделать – не решало проблему их конкурентоспособности. Эта проблема решается на путях заимствований, стимулирующих внутреннее преобразующее развитие.

Опыт успешных заимствований обогащает культуру и делает её более восприимчивой для дальнейших прививок, экспериментов, поощрения внутренней вариативности. Напротив, неудачный опыт вызывает разочарование и страх перемен, усиливает традиционалистскую реакцию. То есть “открытость” и “закрытость” тех или иных современных обществ являются исторически обусловленными и нагруженными. А раз так, то имеет смысл обратиться к началам истории цивилизаций.

Можно предположить, что составные, смешанные сообщества, возникавшие в результате переселения народов и колониальных десантов в культурных пограничьях, на торговых перекрёстках или на тлеющих очагах разрушенных культур отличались изначально более высокой внутренней вариативностью и повышенной информационной открытостью. Интериоризация социальной неоднородности делала новые сообщества предрасположенными к культурному синтезу. И это оказалось тем конкурентным преимуществом, реализовав которое, новые общества (какие-то из них мы воспринимаем теперь как древние, но важно подчеркнуть, что они были отнюдь не первобытными и возникли из соединения разных культур) достигли небывалых успехов. Именно так были созданы Древний Египет, Шумер и Аккад, Китай, Финикия, Древняя Греция и Рим, Каролингский Запад и Новгородско-Киевская Русь, Соединённые Штаты Америки и Канада.

Цивилизации – новые, “искусственные” общества, синтезировавшие разные локальные культуры – произвели следующий качественный скачок человечества в информационном обмене. Они создали *письменность* и перешли от культуры мифа и устного предания к культуре идеологии, писаного закона и науки. Снова умножение воспринимаемой людьми информации, возможностей её хранения и трансляции, определило исход конкурентной борьбы. На этот раз информационная революция стала основой возникновения уже не нового вида гоминидов, а древнего развитого мира и его возвышения над отсталой периферией человечества.

Заметим, что информационная революция даёт людям новые возможности, но отнюдь не объединяет человечество. Наоборот, она создаёт информационный разрыв, который одним воспринимается как преимущество, другими – как проблема. Разделение на *посвя-*

щённую элиту и тёмную округу проходит не только по границам цивилизованных стран, но и внутри них. Обратим внимание на те институциональные средства, которые более или менее широкая информационная элита человечества создала для закрепления и культивирования своей информированности.

Как уже отмечалось, конструкции сознания – паттерны, посредством которых человек интерпретирует окружающую действительность, могут переопределяться через получение нового опыта, через взаимодействие с другими людьми и их идеями. Изобретение письменности сделало возможным более быстрое знакомство с великим множеством идей, отделив обмен идеями от личного взаимодействия людей. Таким образом, возможности человеческого обучения гигантски выросли. Однако для реализации возможностей постоянного обучения в мире письменной культуры необходимо сначала обучиться грамоте, освоить базовый символический капитал. Поэтому в цивилизованных странах сформировался новый социальный институт – образование детей и юношей, претендующих приобщиться к посвящённой элите.

Рядом с системой образования и на её основе всё более профессионализировались практики накопления, приращения и передачи специальных знаний. Сформировались профессиональные институты юриспруденции, медицины, архитектуры, астрологии, агрономии, коневодства, металлургии. Вместе с тем возникла проблема систематизации и обобщения специализированных знаний, начался поиск и опробование тех или иных институциональных решений этой проблемы.

Институты образования и специализированных знаний возникли и развивались в городских центрах, появившихся в IV–III тысячелетиях до н.э. в долинах Нила, Тигра и Евфрата и на финикийском побережье Средиземного моря. Именно в урбанистических очагах, которые концентрировали в своих храмах сакральную ауру и социальный авторитет, родилась человеческая цивилизация¹⁰. Осмысление этого всемирно-исторического факта послужило основой для знаменитого социологического обобщения Дюркгейма – его “закона гравитации социального мира”.

Согласно Дюркгейму, концентрация обществ ведёт к взаимодействию большого количества людей, в результате чего меняется социальная структура: изолированные группы с относительно неспециализированными функциями трансформируются в большое, плотное общество со сложным разделением труда. Такое общество становится более взаимозависимым, а индивиды становятся всё более отличными друг от друга. При этом физическая плотность общежития обуславливает и “моральную плотность”, выраженную в объединяющем, градообразующем ритуале и религиозных идеях. Таким образом, по мысли Дюркгейма, сама социальная физика крупных и плотных сообществ создаёт новый порядок “органической”, а не “механической”, как прежде, солидарности более индивидуализированных людей, занятых более специализированными занятиями.

Наши размышления об информационной открытости позволяют существенно дополнить модель Дюркгейма и одновременно обнаруживают её ограниченность. Подчёркнём, что возрастание плотности населения и особенно его урбанистическая концентрация интенсифицируют информационные обмены и за счёт этого усложняют культуру. Именно в результате того, что растёт комбинаторика человеческого сознания и социального взаимодействия, урбанистические центры становятся эпицентрами институциональных инноваций и развития. Однако не все центры и не в одинаковой степени.

Показательно, что Дюркгейм не мог объяснить стагнацию современных ему обществ в Азии – самых больших и плотных (к ним можно добавить и ряд крупных, но остановившихся в развитии древних цивилизаций). Его отнесение восточных обществ к патологическому типу эволюции крайне неубедительно: по соотношению стран и населения патологией выглядит скорее уж Западная Европа. Действительно, можно ли с помощью модели Дюркгейма объяснить, скажем, тот факт, что близкородственные, обладавшие практически одним и тем же культурным капиталом арийцы и дорийцы, завоевав новые родины, создали столь разные цивилизации? Притом в густонаселённых долинах Инда и Ганга закрепились кастовая система, а на сравнительно малонаселённых берегах Балканского полуострова и Кикладских островах возникли полисы, из которых вышла античная Европа.

Как объяснить то, что Китай – самый большой инкубатор человечества – создав общечеловеческого значения культуру, и оставаясь в начале Нового времени величайшей державой, окостенел, “всухую” проиграл Западу и едва не распался в первой половине XX в., а в конце того же века начал великую китайскую модернизацию?

Впрочем, не только Восток, но и реальный исторический опыт Западной Европы плохо вписывается в абстрактную метафору социальной гравитации. Дюркгеймовская социальная физика явно напоминает социальную механику Адама Смита, который столетием раньше изобразил “рукой Бога” разделение труда. В действительности разделение труда и лежащая в его основе специализация знаний означают не что иное, как *разделение общества*, которое служит источником многообразных конфликтов. На что справедливо указывал Карл Маркс. Всякий порядок, основанный на социальном разделении, по определению, проблематичен. В сложном, информационно открытом обществе растёт число социальных и экологических противоречий.

Среди множества вопросов, встающих перед множащимся и культурно усложняющимся обществом, можно выделить три социальных мега-вызова.

Первая макросоциальная проблема порождена растущей информационной асимметрией, которую следует рассматривать во взаимосвязи с ресурсным неравенством. Люди, как и другие живые организмы, стремятся к получению и закреплению преимуществ – социальных в случае *homo sapiens*. В результате информационная асимметрия и ресурсное неравенство усугубляются, порождая противоречия и борьбу больших и малых сообществ, группировок и отдельных индивидов. О неустранимой, присущей природе человека и подрывающей общественный порядок *крамоле* очень ёмко и выразительно писал в “Федералисте” Джеймс Мэдисон. Очень часто крамола освящена борьбой за социальное равенство. Последняя может рассматриваться в классовом, этническо-национальном либо субглобальном (“мир-системном”, по определению Иммануила Валлерстайна) измерениях. Поскольку информация является важнейшим ресурсом власти и влияния, борьба за власть и борьба за социальное равенство всегда и всюду включают борьбу за доступ к информации.

Вторая макросоциальная проблема связана с тем, что люди, как и все живые организмы, стремятся стабилизировать своё существование – социальное в случае *homo sapiens*. Попросту говоря, люди действуют по принципу: “от добра добра не ищут”. Существующий порядок дублируется в представлениях, освящается ценностями, воспроизводится и охраняется институтами. Порядок самоценен, он есть добро. Дестабилизация – абсолютное зло, которое произрастает из трёх враждебных стихий: природы, войны и смуты. Лишь агрессивная внешняя среда и внутривидовая конкуренция заставляют людей перепределять условия существования. При слабом воздействии дестабилизирующих факторов социальный порядок может существовать веками и даже, как показывает опыт изолированных примитивных обществ в Австралии и Южной Америке, тысячелетиями.

Порядок, основанный на разделении труда и общества, также может консервироваться и, как показывает опыт кастового строя в Индии, без влияния извне практически окостеневать. Разделение труда, как и любой порядок, имеет тенденцию к застою. Информационная открытость общества оказывается взрывом, который затухает – общество закрывается. Если только оно не создаёт по каким-то причинам *противоестественные* институты, которые выполняют функцию постоянной внутренней дестабилизации. Такие институты можно было бы назвать окном информационной открытости общества. Однако назовём их лучше прорубью – с тем чтобы подчеркнуть две возможности: с одной стороны, в проруби информационной открытости можно утонуть; с другой стороны, она подвержена разрастанию.

Третья макросоциальная проблема связана с нарастающей индивидуализацией людей. Сразу оговоримся, что проблему в растущей индивидуализации усматривают далеко не все теоретики и идеологи, так её трактуют главным образом интеллектуалы консервативного устроения. Как известно, на индивидуализм особенно рьяно ополчались идеологи фашизма. Неприятие фашистской и других тоталитарных идеологий, как пред-

ставляется, не должно переходить в игнорирование противоречий между индивидуализмом и общественным благом.

Скажем, Эмиль Дюркгейм не был ни тоталитаристом, ни даже консерватором, но он не считал религию иллюзией и резко критиковал теории, сводящие общество к экономическому обмену и утилитарному эгоизму индивидов. Социолог уповал на "социальную гравитацию", которая одновременно и дифференцирует и сплачивает общество, развивая разделение труда и обновляя ритуалы. Похоже, однако, что сверхсовременные люди – "постмодернисты" по типологии Рональда Инглхарта – не склонны брать в расчёт никакие ритуалы, ограничивающие их самоценную самость. Гравитация, если она и была в обществе, теперь уже не удерживает людского взаимного отталкивания.

Кстати, по Мэдисону, источником смуты выступает не только борьба классов, а вообще человеческая рознь: "Страсть к различным мнениям касательно религии, правительства и тьмы других предметов, равно как различия в суждениях и в практической жизни, приверженность различным предводителям, добивающимся превосходства и власти, или лицам иного толка, чьи судьбы, так или иначе, привлекают умы и сердца, в свою очередь, делят человечество на партии, разжигают взаимную вражду и делают людей куда более склонными ненавидеть и утеснять друг друга, чем соучаствовать в достижении общего блага"¹¹.

Людская рознь никоим образом не устраняется информационной открытостью социальных структур и общества в целом. Следует осознать, что растущая информационная открытость, "расколдовывая" социальный мир и освобождая индивидов от его власти, ставит под вопрос самоё общество. Социальное развитие небезопасно, и в его информационном генераторе нам дан инструментарий Прометея и ящик Пандоры одновременно. Резюмируем: информационная открытость является собой необходимое условие развития человечества, но отнюдь не условие его спасения.

Оптимизм в нашем случае может состоять только в том, чтобы констатировать: общество, которое стремится к устойчивому развитию, и уж тем более претендует быть субъектом развития современного глобального мира, встаёт перед необходимостью создания открытого государства. В смысле прозрачности и подотчётности публичной администрации гражданам, а также в смысле открытости государства глобальным информационным обменам.

Обозначив фундаментальные проблемы человеческого развития – проблему социального раскола, проблему социального порядка и проблему индивидуальной свободы – мы и подходим к собственно государственной проблематике институционального синтеза информационной открытости и социального авторитета публичной власти.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьева 2010 – Афанасьева О.В. Доступ к информации как институт национального государства // Полис. 2010. № 5.

Афанасьева, Афанасьев 2010 – Афанасьева О.В., Афанасьев М.Н. Наш доступ к информации, которой владеет государство. М., 2010. Глава 4 "Институциональные системы информационной открытости власти: что показывает международный опыт"; Глава 7 "Новые российские законы о доступе к официальной информации".

Афанасьева 2011 – Афанасьева О.В. Право на неприкосновенность частной жизни. Укрепляет ли его закон о персональных данных? // Общественные науки и современность. 2011. № 6.

Де Боно 1970 – De Bono E. Lateral thinking: creativity step by step. Harper & Row. 1970.

Де Куланж 2010 – Де Куланж Ф. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима. М.: Центрполиграф, 2010.

Дюркгейм 1996 – Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.

Инглхарт, Вельцель 2011 – Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.

Лебедева, Татарко 2007 – Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.

- Леви-Стросс 2001 – *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: Эксмо-Пресс, 2001.
- Мосс 1996 – *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: Изд. фирма "Восточная литература" РАН, 1996.
- Мэдисон 1994 – Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М.: Издательская группа "Прогресс" – "Литера", 1994.
- Норт 1997 – *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.
- Норт 2010 – *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010.
- Поланьи 2002 – *Поланьи К.* Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.
- Поланьи 2010 – *Поланьи К.* Наша устаревшая рыночная психология // Поланьи К. Избранные работы. М.: Издательский дом "Территория будущего", 2010.
- Харрисон, Хантингтон 2002 – Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002.
- Харрисон 2008 – *Харрисон Л.* Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М.: Новое издательство, 2008.

Примечания

¹ Док. ООН ЭКЕ/КЭП/43, принята на Четвертой конференции министров в рамках процесса "Окружающая среда для Европы", 25 июня 1998 г., вступила в силу 31 октября 2001 года (<http://www.unep.org/env/pp/documents/cep43.pdf>). Участниками Орхусской Конвенции на сегодня являются 44 государства. Из бывших советских социалистических республик только Россия и Узбекистан не присоединились к данной Конвенции (<http://www.unep.org/env/pp/ratification.htm>).

² http://www.unodc.org/pdf/corruption/publications_unodc_convention-r.pdf

³ Проявление фундаментальной взаимосвязи информационной открытости и устойчивого развития углубляет концептуализацию доступа к информации как институционального атрибута правового государства – см.: [Афанасьева 2010].

⁴ См. об этом: [Афанасьева, Афанасьев 2010; Афанасьева 2011].

⁵ См.: [Поланьи 2002; Поланьи 2010].

⁶ См. [Норт 1997; Норт 2010].

⁷ См., напр.: [Харрисон, Хантингтон 2002]; [Инглхарт, Вельцель 2011]; [Лебедева, Татарко 2007]; [Харрисон 2008].

⁸ [Дюркгейм 1996]; [Мосс 1996]; [Леви-Стросс 2001].

⁹ См., напр., известную книгу автора концепции и метода "латерального мышления" Эдварда де Боно: [Де Боно 1970].

¹⁰ Труд Фюстеля де Куланжа "Древний город" остаётся классическим историческим исследованием урбанистического генезиса цивилизации. См.: [Де Куланж 2010].

¹¹ См.: [Мэдисон 1994, 80–81].